

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Екатерина Сергеевна КРАСНОПЕЕВА¹

Светлана Сергеевна КРАЕВА²

УДК 81'25

АДАПТАЦИЯ УСТНОГО ПЕРЕВОДЧИКА К РАБОТЕ В ГИБРИДНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ ПУСКОНАЛАДОЧНЫХ РАБОТ С УДАЛЕННЫМ УЧАСТНИКОМ)*

¹ кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики перевода,
Челябинский государственный университет
krasnopeyeva@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3503-1849

² кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики перевода,
Челябинский государственный университет
kraeva.svetlana@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2039-4022

Аннотация

Процесс устного перевода видеокоммуникации — относительно новый объект исследования, требующий интеграции теоретико-методологических баз переводоведения, теории коммуникации, теории медиа и когнитивной науки.

В данной статье рассматриваются особенности адаптации переводчика к условиям работы в гибридной среде, которая подразумевает переключение между общением в физическом

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (№ МК-73.2021.2).

Цитирование: Краснопеева Е. С. Адаптация устного переводчика к работе в гибридной среде (на примере пусконаладочных работ с удаленным участником) / Е. С. Краснопеева, С. С. Краева // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Том 8. № 2 (30). С. 6-23. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-6-23

и виртуальном пространствах. Описывается ситуация устного двустороннего абзацно-фразового перевода в ходе пусконаладочных работ, которыми по видеосвязи руководит иноязычный специалист. Материал исследования — расшифрованные аудиозаписи коммуникации, а также ретроспективный комментарий переводчика. Переводческие решения рассматриваются сквозь призму теории метакогниции. Иллюстрируются особенности мониторинга, лежащего в основе адаптации переводчика к работе в данных неблагоприятных условиях, вызывающих дополнительную когнитивную нагрузку.

В числе ключевых факторов, определяющих профессиональную сложность перевода, выделены специфика двустороннего специального перевода в цехе промышленного предприятия, а также ограничения видеокommunikации с использованием смартфона. Помимо функций передачи информации и координации коммуникации, характерных для двустороннего перевода, в рассматриваемой ситуации переводчик также осуществляет контроль за состоянием устройства связи. Подобная медиамногозадачность означает новые аспекты когнитивного мониторинга, что потенциально может вести к снижению концентрации внимания и влиять на качество перевода. Традиционные средства структурирования диалога оказываются недоступны при общении с удаленным участником, что приводит к необходимости вербального сопровождения мены коммуникативных ролей, а также контроля за ходом коммуникации в целом. Переводчик также активно выполняет ориентирование удаленного участника в ситуации «на месте», устанавливает общий контекст, что приводит к избыточности и повторам.

Таким образом, в условиях гибридной среды повышается непредсказуемость логики перехода от проблемной ситуации к ее решению. Фрагментированный характер коммуникации затрудняет идентификацию коммуникативно-релевантных смыслов и процесс вероятностного прогнозирования.

Ключевые слова

Переводоведение, устный перевод, двусторонний перевод, цифровой перевод, видеокommunikация, метакогниция, гибридная среда.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-6-23

Введение

Способ хранения и передачи информации — критерий, который позволяет построить периодизацию истории перевода: «использование того или иного канала [передачи информации] существенно влияет на все аспекты переводческой деятельности, на технологию и стратегию перевода» [3]. Сегодня неотъемлемой частью обыденной реальности стали цифровые технологии. Гибридная среда (hybrid environment), гибридное пространство (hybrid space), гибридные территории (hybrid territories), гибридное взаимодействие (hybrid interaction) [12; 20, с. 214-216] — все эти эвристические конструкты вводятся для осмысления процесса размывания границ между реальным и виртуальным, а также влияния этого процесса на когнитивные, психологические, социальные и поведенческие механизмы.

Технологическая детерминированность дальнейшего развития устного и письменного перевода подталкивает переводоведов обратиться как к теории медиа, исследованиям материальности коммуникации, так и к моделям распределенной когниции и интегрированной реальности переводчика [18]. В свете перехода от дескриптивности к проспективности [3] актуальной задачей становится описание практик цифрового перевода — «нового вида перевода, представляющего собой систему сетевого взаимодействия когнитивно-коммуникативной деятельности человека переводчика и цифровых информационно-коммуникационных средств» [2, с. 73].

По оценкам ряда исследователей, устный перевод сегодня вступает в самую активную фазу технологической трансформации в истории [15]. Ограничения пандемии, давление технологических компаний и рынка лингвистических услуг заставляют каждого устного переводчика оперативно формировать собственную цифровую компетентность.

Цифровыми технологиями могут быть опосредованы различные сценарии устного перевода: с применением аудио- или видеосвязи в общении могут принимать участие как коммуниканты, так и сам переводчик. Каждый сценарий дистанционного перевода (термин Ф. Пёххакера [17]) подразумевает особые переводческие задачи, а также особую дополнительную когнитивную нагрузку на переводчика (см. обзор в [5]). В контексте цифровизации устного перевода в качестве объекта исследования чаще выступает удаленный синхронный перевод (RSI, remote simultaneous interpreting) [10, 15], а также социальный перевод (community interpreting) или посредничество в двуязычном диалоге (dialogue interpreting) с применением аудио- и видеосвязи [11, 15].

В данной статье мы затрагиваем проблему адаптации переводчика к условиям работы в гибридной среде¹, подразумевающей параллельное осуществление очной и дистанционной коммуникации. Принципиальная новизна подобного объекта, а также его комплексность обуславливают дескриптивный характер исследования. Обнаруженные особенности рассматриваются с учетом анализа ситуации перевода, а также ретроспективного комментария переводчика, позволяющего перейти от изучения перевода-результата к описанию как коммуникативных, так и когнитивных аспектов перевода-процесса.

¹ Понятие гибридной среды восходит к понятию медиапространства (рассмотренному нами ранее в [4]). Термин «гибридная среда» описывает слияние взаимодействия в физическом и цифровом пространствах («Hybrid ecologies are new class of digital ecology that merge multiple environments, physical and digital, together...» [12, с. 481]; «hybrid ecologies <...> bridge the physical-digital divide» [12, с. 492]). Исследования показывают, что динамика коллективной работы, выполняемой в гибридных средах, имеет определённые отличительные характеристики, в числе которых фрагментированность взаимодействия [12, с. 492] (здесь и далее перевод наш — Е. К., С. К.). Фрагментированность коммуникации, вероятно, можно назвать одной из тех характеристик, которые окажут значительное влияние на работу устного переводчика в гибридной среде.

Материал и теоретико-методологические основания исследования

В нашем проекте мы обращаемся к двустороннему переводу (ДП) в ходе пуско-наладочных работ, которыми в режиме видеосвязи руководит иноязычный специалист. Ряд аспектов исследования уже был ранее описан [4]. В данной статье особое внимание уделяется фрагментам аудиозаписи¹ коммуникации (1 ч. 34 мин.), сделанным в первые часы первого и второго дней работы, что позволило нам проиллюстрировать «включение» переводчика в рабочий процесс. В качестве материала исследования также выступает ретроспективный комментарий переводчика, полученный в ходе прослушивания аудиозаписи коммуникации. Как отмечает К. Меллингер, именно анализ ретроспективного комментария позволяет уточнить сделанные на основе анализа стенограмм гипотезы и выявить влияние технolandшафта на когницию устного переводчика [16, с. 37]. Расшифровка и анализ аудиозаписей осуществляется двумя исследователями в программе для аннотации мультимодального текста ELAN², где используется орфографическая транскрипция, а также ряд элементов метаразметки.

Рассмотрим некоторые параметры коммуникативной ситуации перевода (КСП) по схеме Г. В. Чернова: Где? О чем? Когда? Кто? Кому? С какой целью? [9, с. 139]. Заказ выполняется в течение трех дней опытным переводчиком (опыт работы 12 лет, языковая пара — русский–немецкий) на одном из промышленных предприятий г. Челябинска в июле 2021 г. Работы ведутся в период ограничений пандемии COVID-19, ввиду чего подрядчик заказчика не может присутствовать в России. Переводчик (ПЕР) находится на месте монтажа, в цехе производственного предприятия, где присутствуют заказчик (ЗАК) — руководитель и инициатор перевода, а также группа рабочих-операторов (ОПР_{1-N}, далее — ОПР). Иноязычный специалист — инженер (ИНЖ) — представитель немецкой компании (поставщика оборудования) подключается по видеосвязи. ИНЖ поэтапно объясняет функции машины и этапы работы с компьютерной программой управления. ОПР тестируют данные функции на панели управления. После каждого блока инструкций ИНЖ уточняет у ОПР, есть ли вопросы по пройденным этапам. Цель коммуникации — обучение персонала и выполнение запуска машины.

Перевод осуществляется в шумном производственном помещении, в котором отсутствует стационарный доступ в интернет, а также возможность подключить какое-либо специальное оборудование для конференц-связи. Для видеосвязи используется мобильное устройство (смартфон с основной и фронтальной камерой),

¹ Безусловно, на сегодняшний день именно видеозаписи дают возможность выполнять подробное систематическое описание мультимодального взаимодействия коммуникантов в процессе перевода [17]. Однако отметим, что в исследованиях устного перевода в деловой среде любой аутентичный эмпирический материал представляет особую ценность, поскольку ввиду конфиденциального характера коммуникации заказчики достаточно редко соглашаются на ведение аудио- или видеозаписи.

² ELAN (Версия 6.3, 2022) [Программное обеспечение] / Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics, The Language Archive. URL: <https://archive.mpi.nl/tla/elan> (дата обращения: 01.08.2021).

которое находится в руках у ПЕР. Камеру направляет ПЕР, соответственно, ИНЖ имеет доступ только к той информации, которую транслирует и озвучивает ПЕР. Какое-либо оборудование, позволяющее ОПР принимать участие в видеозвонке, не предусмотрено. ИНЖ выходит на связь из офиса, для чего использует компьютер, оборудованный веб-камерой, и гарнитуру — блютуз-наушник с микрофоном. На экране телефона ПЕР видит изображение ИНЖ, ИНЖ наблюдает за происходящим в цехе на экране монитора.

Таким образом, профессиональная сложность описанного сценария определяется в первую очередь следующими факторами: спецификой переводческих задач в ДП группового диалога, а также особенностями коммуникации в гибридной среде (ограничениями видеоканала, помехами на месте перевода, фрагментированностью взаимодействия и пр.).

Устный последовательный абзацно-фразовый ДП осуществляется в паузах непосредственно после прослушивания небольших фрагментов исходного высказывания. Как правило, ДП выполняется без использования нотации, с опорой исключительно на память переводчика. ДП может применяться в ходе переговоров, при переводческом сопровождении в учреждениях здравоохранения, иммиграционных службах, полиции и пр. ДП также имеет место в КСП, которую В. В. Сдобников условно именуется «шеф-монтаж» — ситуации личного общения специалистов для решения определенной производственной задачи (перевод в ходе медицинской операции, пусконаладочных работ на предприятии, перевод общения тренера и команды) [6, с. 96]. К этой категории можно отнести рассматриваемый нами сценарий. Целью перевода является выравнивание уровня квалификации двух сторон для решения задач их предметной деятельности и/или координации их совместных действий, что подразумевает передачу при переводе коммуникативно-релевантной информации [6, с. 97, 208].

В. Н. Комиссаров выделяет факторы, усложняющие ДП: «небрежность речи участников беседы, неполнота формулировок, рассчитанная на посвященного, одновременность высказывания нескольких лиц, <...> неудобное положение переводчика с точки зрения обзора и слышимости» (цит. по [8, с. 185]). В отличие от многих ситуаций посредничества в двуязычном диалоге специфика КСП «шеф-монтаж» также будет состоять в наличии объектов (оборудования, инструментов и пр.), с которыми участники общения взаимодействуют для решения поставленных задач.

Указанные параметры определяют необходимость постоянной оценки информационной ценности сообщения, рефлексии со стороны переводчика, проактивное осмысление собственной компетентности и коммуникативных потребностей реципиента. Несмотря на то, что определение особенностей потенциального реципиента является компонентом предпереводческого анализа — первого этапа любого процесса перевода, в рассматриваемой ситуации у переводчика есть возможность (и необходимость) непосредственно наблюдать вербальную и невербальную реакцию реципиента, и, соответственно, корректировать переводческие решения с учетом ситуативного контекста.

Специфической чертой ДП является многозадачность: как отмечает С. Ваденшё, в задачи переводчика при посредничестве в двуязычном диалоге (*dialogue interpreting*) входит не только передача информации (*relaying*), но и координация взаимодействия коммуникантов (*coordinating*) для достижения цели коммуникации [19]. М. Я. Цвиллинг описывает роль переводчика при ДП как активную (но не лишаящую участников беседы коммуникативной инициативы): «Ответственный переводчик не должен ограничиваться ролью безучастного „транслятора“, он должен «чувствовать ход беседы, осознавать логику ее развития, соответствие ответов ожиданиям спрашивающего в интервью или прогресс в достижении согласия» [8, с. 184-185]. Особое внимание уделяется наличию зрительного контакта с реципиентом, динамическим характеристикам голоса, использованию в речи обращений и других допустимых средств (жестов, прикосновений, перемещений — когда перевод осуществляется «на местности») [8]. Другими словами, различным средствам контроля смены коммуникативных ролей. Значительная часть указанных средств оказывается недоступна в условиях дистанционного перевода.

Охарактеризуем некоторые ограничения видеокommunikации с использованием смартфона, выделяемые Ф. Юсом [20, с. 107-118]. Во-первых, видеозвонок не позволяет сформировать ощущение присутствия (*presence*), которое в ряде исследований описывается как основной фактор, определяющий дополнительную нагрузку при дистанционном переводе (см. обзор в [5]). Во-вторых, видеозвонок с помощью мобильного телефона подразумевает гибридизацию реальных/физических и виртуальных сценариев (*physical–virtual practices*), а также переключение между двумя общими когнитивными средами (*mutual cognitive environments*) — в трактовке Д. Спербера и Д. Уилсон. В нашей ситуации переводчик переключается между общей с ОПП и ЗАК средой в физическом пространстве (*foreseeable mutual cognitive environment*) и общей средой с ИНЖ в виртуальном пространстве (*narrowed mutual cognitive environment*) [20, с. 116]. В-третьих, при общении в режиме видеозвонка говорящие затрачивают много когнитивных усилий для установления общего контекста, поскольку не знают ни местоположения, ни социальной ситуации, в которой находится собеседник. Кроме того, видеосвязь всегда подразумевает некоторые помехи (размывание, зависание картинки, задержка аудио и пр.), в результате чего пользователи начинают ощущать дискомфорт: по словам К. Мёрфи, «наш мозг пытается заполнить пробелы и понять смысл происходящего, в результате чего мы чувствуем тревогу и усталость, не понимая, почему» (цит. по [20, с. 112]).

Таким образом, в условиях гибридной среды многозадачность ДП превращается в медиамногозадачность, понимаемую как «параллельное использование технических устройств, переключение между источниками информации, одновременное получение информации из онлайн- и офлайн-источников» [1, с. 130], что означает дополнительную когнитивную нагрузку.

Для изучения особенностей адаптации переводчика к ограниченному контексту в ситуации ДП деловой коммуникации по видеосвязи С. Браун обращается к феномену *мониторинга* [11]. Мониторинговые стратегии строятся на основе

лингвистических, энциклопедических, социокультурных знаний говорящего; вербальной и невербальной обратной связи собеседника, а также контекста и реплик других участников коммуникации. Вслед за К. Коном и У. Левелтом С. Браун описывает фазы антиципационного/упреждающего, синхронного и ретроспективного мониторинга в ходе восприятия сообщения и в ходе говорения переводчика.

В когнитивной модели социального ДП Б. Энглунд Димитрова и Э. Тиселиус также выделяют ряд видов *мониторинга* (таблица 1), включающего операции наблюдения, оценки и потенциальной корректировки переводчиком порождаемого высказывания [13, с. 203-204].

Таблица 1.

Виды мониторинга в процессе двустороннего перевода

Table 1.

Types of monitoring in dialogue interpreting

<i>Виды мониторинга в процессе восприятия речи коммуникантов</i>	<i>Виды мониторинга непосредственно в процессе перевода</i>
Мониторинг собственного понимания звучащего сообщения.	Мониторинг собственной речевой деятельности на языке перевода.
Мониторинг соотносительности содержания сообщения коммуниканта и озвученного ранее перевода, т. е. понимания коммуникантом ранее прозвучавшего перевода.	Мониторинг соотносительности смыслов в прослушанном сообщении коммуниканта и порождаемом на данный момент сообщении (в ряде случаев озвучиваемый фрагмент не является эквивалентом озвученной ранее реплики).
Мониторинг объема оперативной памяти, необходимого для запоминания звучащего отрывка.	Мониторинг вербальной и невербальной реакции коммуникантов.
Мониторинг собственного понимания звучащего сообщения.	Мониторинг собственной речевой деятельности на языке перевода.

Во многом представленные выше трактовки понятия мониторинга соотносятся с понятием *когнитивного мониторинга*, введенным Дж. Флейвеллом. Когнитивный мониторинг (или регуляция) определяется взаимодействием метакогнитивных знаний, метакогнитивного опыта/переживаний, целей (или задач) и действий (или стратегий) [14]. Мониторинг формирует дополнительное знание о когнитивной стратегии (ее удачном, неудачном характере) и позволяет регулировать ее последующее использование — продолжить, отказаться, скорректировать. Именно исследования метакогнитивных способностей переводчика подчеркивают роль рефлексии в переводческом процессе.

С. Браун отмечает, что операции мониторинга не подразумевают простое самоисправление переводчика: мониторинг (и, соответственно, метакогниция) лежит в основе эволюции переводческих решений в условиях ограничений коммуникации по видеосвязи. Важными аспектами мониторинга при этом являются гибкость (умение отойти от традиционно выдвигаемых требований

к переводчику), а также приобретаемое умение предвосхищать потенциальные трудности (встретившись с трудностью несколько раз, переводчик в дальнейшем использует более эффективную стратегию для ее решения или предотвращения) [11].

Описание особенностей мены коммуникативных ролей в процессе общения по видеосвязи с участием переводчика, а также систематизация используемых переводческих операций, соотнесенные с контент-анализом ретроспективного комментария, позволяют выявить некоторые особенности метакогниции переводчика и адаптации при работе в гибридной среде.

Результаты исследования и их обсуждение

В рамках пилотных экспериментов по исследованию сценариев ДП по видеосвязи С. Браун заключает, что ввиду низкого качества сигнала и одновременного говорения коммуникантов эффективный ДП в последовательном режиме принципиально невозможен, и принимает решение обратиться к экспериментальному исследованию удаленного синхронного ДП. В рассматриваемом нами сценарии переводчик начал выполнять синхронный перевод в наушниках для исключения аудиопомех с места работ (из-за акустики в цехе дискомфорт испытывают все участники коммуникации), однако позднее переключился на абзацно-фразовый ДП без использования наушников.

По замечанию ПЕР, когда ОНР не слышат речь ИНЖ, а также во время перевода реплики на немецкий язык, ОНР параллельно ведут обсуждение работы на русском языке (см. реплики 1.5-1.7 в Примере 1):

«Если я в наушниках, ЗАК и ОНР не слышат ИНЖ, и даже если при этом они видят его на экране, возникает иллюзия общения со мной напрямую: сразу выдаются вопросы и реакции на озвученные инструкции — „ага“, „да“... Это, безусловно, осложняет выполнение инструктажа по намеченному ИНЖ плану».

В условиях удаленной коммуникации ИНЖ также некомфортно говорить в ходе звучания перевода на русский язык.

Пример 1

(1.1) ПЕР: [Фрагмент перевода реплики ИНЖ с немецкого.]

(1.2) ОНР: *Ага, ну, это понятно.*

(1.3) ОНР: *Настройки производятся вот относительно сыпучих материалов, как вы говорили, там один, два, три, они в килограммах, в граммах, какой расчет программы?*

(1.4) ПЕР: [Озвучивает перевод реплики ОНР с русского на немецкий.]

(1.5) ОНР1 [Одновременно с переводом]: *Граммы, я так понял, у него там...*

(1.6) ОНР2: *Граммы?* [Далее неразборчиво.]

(1.7) ОНР1: *Нет, это здесь килограммы, там-то граммы.*

(1.8) ПЕР [Параллельно слушает реплики 1.6 и 1.7, а также реплику ИНЖ в наушниках.]: *Сейчас покажу всё по порядку.*

Пользователь, говорящий по телефону/видеосвязи, может испытывать ощущение не-присутствия (*absent presence*) в социальной ситуации и физическом пространстве, в котором он на данный момент находится [20, с. 117]. Однако ПЕР, обладая профессиональным навыком переключения внимания, стремится одновременно слушать два потока информации:

«Воспринимая инструкции ИНЖ на иностранном языке через наушники, я прислушиваюсь и к разговору ОПР, пытаюсь определить последовательность перевода реплик — переведу я сначала то, что мне сказал ИНЖ, или сначала мне следует перевести то, о чем говорят ОПР, — а также отследить, какая лексика мне для этого понадобится».

Таким образом, ПЕР осознает, что использование гарнитуры может привести к переспросам со стороны ОПР и ЗАК, а также коммуникативным сбоям в результате «раздвоенности» коммуникации, что усложнит процесс перевода.

Пример 2 иллюстрирует начало первого рабочего дня, первый час работы переводчика. В 2.1 ИНЖ задает вопрос, надежно ли затянуты болты, подразумевая определенное соединение. В условиях ограниченного контекста у ИНЖ нет возможности осмотреть и проверить интересующее соединение, что ведет к необходимости вербализации тех действий, которые, по словам ПЕР, «ИНЖ в ином случае выполнил бы сам, не прибегая к помощи ОПР и ПЕР». Работа в ситуации контактной коммуникации не подразумевает ни описания операций, ни осмысления их описания как коммуникантом, так и переводчиком. В рассматриваемой же ситуации подобная вербализация необходима для замещения отсутствующих каналов взаимодействия. Феномен излишней экспликации (*over-elaboration*) в целом характерен для общения по видеосвязи [11].

Как отмечает ПЕР, в 2.2 планировалось максимально точно и полно с использованием словарного соответствия *Verschraubung* — *резьбовое соединение* донести смысл высказывания до ЗАК. При планировании высказывания ПЕР подбирает терминологическое сочетание, понимая, что в немецком языке допустимо использование словосочетания *silberne Verschraubungen* (рус. букв. «серебряные резьбовые соединения»). В ходе синхронного мониторинга ПЕР осознает, что буквальный перевод не позволяет достичь цели, чему находит подтверждение в невербальной реакции заказчика (2.3). В фазе ретроспективного мониторинга, который совпадает по времени с репликой ЗАК (2.5), ПЕР убеждается в том, что цель достигнута. Тем не менее, в 2.8-2.16 ИНЖ видит необходимость повторить озвученную мысль и уточнить задачу, переговорив с ПЕР. Данная тактика частотна для удаленного коммуниканта, и, вероятно, спровоцирована в том числе невозможностью видеть подтверждающие жесты собеседника.

Пример 2

(2.1) ИНЖ: *Ihr habt da silberne Verschraubungen an der Maschine. Sind diese richtig gut festgezogen?* [рус. букв. «У вас на машине есть резьбовые соединения. Они действительно хорошо затянуты?»]

(2.2) ПЕР: *Так, у вас тут, господа, как они, эмм, резьбовые соединения серебряные такие, они хорошо затянуты?*

(2.3) ЗАК: *М-м-м.*

(2.4) ПЕР: *Болты, болты, болты!*

(2.5) ЗАК: *Андрей, протянуто всё? Протяжка сделана?*

(2.6) ОПР: *Да, конечно.*

(2.7) ПЕР: *Ja, alles ist gut gezogen.* [рус. букв. «Всё хорошо протянуто.»]

(2.8–2.16) ИНЖ: [Повторно поясняет то, что необходимо сделать ОПР. ПЕР слушает ИНЖ, ПЕР за восемь речевых шагов на немецком языке уточняет детали необходимых действий со стороны ОПР.]

(2.17) ПЕР: *Mhm. Moment.*

(2.18) ПЕР: *То есть, он хочет проверить, протянуты [или] нет; вы говорите — да. Давайте, чтобы он убедился, быстренько еще вот просит проверить, можно если.*

(2.19) ПЕР: *Mhm. Wir holen jetzt Werkzeug.* [пауза] *Wir holen jetzt Werkzeug. Und wir machen das.* [рус. букв. «Мхм. Мы сейчас принесем инструменты. [пауза] Мы сейчас принесем инструменты. И мы сделаем это.»]

(2.20) ЗАК: *Нам надо время тогда, может быть.*

(2.21) ПЕР: *Mhm. Wir brauchen Zeit. Willst du jetzt warten oder wir rufen dich später an?* [рус. букв. «Нам нужно время. Ты хочешь подождать, или мы тебе позже перезвоним?»]

В 2.17 и 2.19 мы наблюдаем, как ПЕР перед выполнением перевода вербально и с использованием паралингвистических средств и дискурсивных частиц сигнализирует ИНЖ о необходимости смены коммуникативной роли. Наш материал показывает, что если при контактном ДП переводчик может переходить на нашептывание или начинать перевод, пока говорящий не закончил реплику, то при видео-опосредованном переводе такие тактики в совокупности с помехами аудио- и видеосигнала приводят к дезориентации удаленного участника и еще большей фрагментации дискурса¹. Таким образом, вербализация интенции при смене коммуникативных ролей — одна из немногих тактик, которые позволяют эффективно строить коммуникацию в рассматриваемой КСП.

Реплики 2.18-2.21 демонстрируют, какое место² ПЕР отводит себе в описываемой ситуации: он находится «на стороне» ЗАК и ассоциирует себя с ЗАК

¹ См., например, обзор Ж. Дево о фрагментированном характере дискурса при переводе видеоконференцсвязи на судебных заседаниях [15, с. 93, 110].

² Б. Энглунд Димитрова и Э. Тиселиус, сравнивая ДП начинающего и опытного переводчика, показывают, что сформированное понимание профессиональной задачи (professional self-concept) позволяет переводчику более эффективно осуществлять контроль смены коммуникативных ролей в ДП. Кроме того, как показывает исследование Ж. Дево, переводчик, выполняющий ДП в режиме видеоконференцсвязи, по-иному строит свою пространственно-ролевую модель (role-space model) в аспектах презентации, контроля взаимодействия коммуникантов и др. [15, с. 111].

и ОПР, используя местоимение *wir* (рус. мы), а также местоимение «он», когда поясняет ОПР интенцию ИНЖ. Комментарий ПЕР позволяет судить о том, что основанием для такой тактики являются три фактора: пространственный, этический и лингвокультурный.

В 2.19 наблюдается вербальная реакция переводчика на поведение ОПР: данная реплика — результат мониторинга действий ОПР и ЗАК, трактовки понимания их невербального поведения. Данное высказывание не является переводом (в классификации С. Ваденшьё — *a non-rendition* [19]): ПЕР дает понять ИНЖ, что его интенция реализована — предпринимаются действия согласно озвученным инструкциям, и описывает суть этих действий. ПЕР отмечает, что пояснение ситуативных смыслообразующих компонентов речевого взаимодействия осуществляется для ориентирования удаленного участника в ситуации (ср. 2.21), а также в целом для повышения эффективности командного взаимодействия, ускорения принятия решений (ср. реплика 3.21 в Примере 3).

Диалог, представленный в Примере 3, происходит рано утром во второй день работы. У ПЕР уже сформирован некоторый когнитивный опыт: есть понимание процессов, он более уверенно владеет терминологией и осмысляет звучащий текст. Ориентирование в ситуации снимает часть трудностей, более эффективно работает механизм вероятностного прогнозирования [7]. Тем не менее, вследствие когнитивной перегрузки первого дня работ (большой объем новой информации, погружение в тематику), в отсутствие устойчивого системного представления о специфике производства, активный синхронный и ретроспективный мониторинг порождаемого высказывания приводит к дополнительным уточнениям со стороны переводчика (ср. 3.1 и 3.3).

Пример 3

[Диалогу предшествует обсуждение ЗАК и ПЕР необходимости сообщить ИНЖ информацию о содержании кобальта в предускоренной смоле.]

(3.1) ПЕР: *Wir haben die Informationen zum vorbeschleunigten Harz bekommen...*

Ой ээ извините нет, это же предускоренная не **смола** же. А...

(3.2) ЗАК: *Нет, в нашей...*

(3.3) ПЕР: *...предускоренный **отвердитель**?*

(3.4) ЗАК: *...в нашей, в нашей предускоренной смоле...*

(3.5) ПЕР: *А, **смола** предускоренная. Всё. Всё правильно значит.*

(3.6) ЗАК: *...однопроцентного кобальта один и два процента.*

(3.7) ПЕР: *Мхм. А-а...*

(3.8) ЗАК: *У нас предускоренная смола.*

(3.9) ПЕР: *...er enthält... Mhm, *Имя ИНЖ*? [рус. букв. «...она содержит... Мхм, *Имя ИНЖ*?»]*

(3.10) ИНЖ: *Kannst du mich jetzt hören? [рус. букв. «Ты сейчас меня слышишь?»]*

(3.11) ПЕР: *Super... Mhm, perfekt! [рус. букв. «Супер... Мхм, отлично!»]*

(3.12) ИНЖ: *Das ist gut. Das ist gut. Eh, du sagtest gerade hier, du hast Informationen vom Harz bekommen, ja? [рус. букв. «Это хорошо. Это хорошо. Ты только что сказала, что получила информацию о смоле, да?»]*

(3.13) ПЕР: *Ja, ja.* [Да, да.]

(3.14) ИНЖ: *Welche sind das genau?* [Какую именно?]

(3.15) ПЕР: *Der 1-prozentige Cobalt ist drinnen und davon einz komma zwei Prozent.* [рус. букв. «В ней однопроцентный кобальт, и его 1,2 процента.]

(3.16) ИНЖ: *Alles klar, das schreibe ich mir mal kurz auf. Ich hab ' ja eure Daten [auf dem] Blatt...* [рус. букв. «Всё понятно, сейчас я себе это быстренько запишу. У меня тут все ваши данные...»]

(3.17) ПЕР: *У меня тут все ваши данные, я сейчас это запишу тогда себе.*

(3.18) ЗАК: *Da, по нашей предускоренной смоле.*

(3.19) ПЕР: *Also in unserem vor... im Voraus beschleunigten Harz vom ein-prozentigen Cobalt... eh... gibt's da drinne einz komma zwei Prozent.* [рус. букв. «Так вот, в нашей пред... заранее ускоренной смоле однопроцентного кобальта... э-э... его там внутри 1,2 процента.»]

(3.20) ИНЖ: *Okey, alles klar, dann weiß ich Bescheid.* [рус. букв. «Окей, всё понятно, значит, прояснили.»]

(3.21) ПЕР: *Всё понятно. Так, я записываю.* [вдох] *Mhm, что, спросить про план?*

(3.22) ЗАК: *Да план-то* [неразборчиво]

(3.23) ИНЖ: *So. Em. Ja, dann würde ich vorschlagen, dass wir auch direkt anfangen und vielleicht das Peroxid befüllen.* [рус. букв. «Так. Эм. Да, тогда я бы предложил уже сразу начать, и, наверное, залить перекись.»]

Избыточным является переспрос в реплике 3.1: ПЕР использует верный эквивалент термина (*предускоренная смола* — *das vorbeschleunigte Harz*), однако сомневается в выбранном соответствии и сразу же задает ЗАК дополнительный вопрос. На первом этапе анализа мы допустили, что данный ход связан с ограничениями объема оперативной памяти. Однако ретроспективный комментарий позволил выявить, что поправка связана именно с осмыслением сделанного выбора, т. е. синхронным мониторингом порождаемого сообщения. Этот пример иллюстрирует, что память переводчика, как отмечает М. С. Фирстов, не механическая — ее скорее можно охарактеризовать, как «запоминание мышлением» [7, с. 145]. По словам ПЕР, исходный фрагмент был понятен, перевод выполнен очень быстро, а в момент переспроса была выстроена логическая цепочка:

«В данном случае меня смутило, что смола — предускоренная... Есть четыре компонента: смола, перекись, ускоритель — кобальт, и краска. Раз смола предускоренная, я решила, что это, должно быть, ускоритель отверждения, в этом качестве и используют кобальт, а ускоритель отверждения, в свою очередь, используется наряду с пероксидом — отвердителем. В голове возникла путаница, и вот уже у меня получился „предускоренный отвердитель“, чего в принципе быть не может».

Вероятно, именно подобные интуитивно-эвристические действия, «непредсказуемые „озарения“» основаны на тезаурусе когнитивного опыта, в терминологии М. Я. Цвиллинга [8, с. 98-99].

В переводе с немецкого ПЕР выдерживает логику речевых ходов, очевидно также контролируя то, как содержание озвучиваемого перевода соотносится с прозвучавшим ранее переводом — т. е. следит за структурно-семантической связностью собственных реплик. При условии выдерживания логики последовательных речевых ходов (ср. *запишу* как намерение в 3.17 и *записываю* как его реализация в 3.21) избыточные повторы не влияют на ход и успешность коммуникации. Однако, как мы видим, фрагментированный характер взаимодействия в гибридной среде подразумевает достаточно большое количество когнитивных усилий для координации различных аспектов коммуникации. В реплике 3.19 вместо перевода озвученной ЗАК реплики (3.18) переводчик прибегает к повтору (ср. 3.15 и 3.19), хотя вопрос, казалось бы, решен: «...да, присутствует мотив самоконтроля и контроля ИНЖ, я ему, получается, диктую, повторяя информацию, которая ему нужна». На этапе декодирования сообщения ПЕР распознает функцию высказывания ЗАК, но реализует собственную «не вполне осознаваемую» интенцию для контроля за эффективностью коммуникации.

Модерация коммуникации становится, по негласному соглашению всех сторон, дополнительной функцией ПЕР, которую он добровольно берет на себя. Таким образом, мониторинг осуществляется ПЕР не только для выполнения своих прямых обязанностей языкового посредника, но и для структурирования взаимодействия. Более того, в реплике 3.9 ПЕР, наблюдая за ИНЖ на экране телефона, понимает, что ИНЖ не слышит перевод, что порождает реплики 3.9-3.14. Соответственно, ПЕР также неизбежно осуществляет контроль за работой устройства связи, соотносит переключение между ситуациями общения и собственные моторные реакции (ср. перемещение с видеокамерой в пространстве по запросу ИНЖ). Вероятно, подобный навык переключения может отрабатываться, как и навык переключения в процессе переводческой записи. Из всех аспектов, мониторинг которых осуществляется переводчиком на разных этапах его деятельности, наименьшее значение придается презентации и соблюдению норм языка перевода (ср. нарушение порядка слов, согласования частей предложения). Схожий вывод делает и С. Браун в исследовании удаленного синхронного ДП [11].

Заключение

Рассмотренная ситуация иллюстрирует особенности когнитивно-коммуникативной деятельности переводчика в условиях гибридной среды. Одновременное взаимодействие в физическом и виртуальном пространствах усложняет коммуникацию и обуславливает включение механизмов адаптации при решении переводческих задач.

Видео-опосредованный характер коммуникации определяет ряд наблюдаемых особенностей. Необходимость ориентирования в ситуации «на месте» и установления общего контекста с удаленным коммуникантом снижает темп диалога, приводит к повторам, порождает избыточность, которую переводчик традиционно стремится свести к минимуму. В условиях ограничений гибридной

среды переводчик может излишне фокусироваться на организационной стороне процесса ДП. Ограниченность средств контроля мены коммуникативных ролей вынуждает переводчика брать на себя функции модератора коммуникации, что не всегда уместно с точки зрения этики перевода.

К традиционным задачам ДП — собственно переводу и координации коммуникации — добавляется необходимость контроля визуальной составляющей общения. Подобная медиамногозадачность означает увеличение аспектов когнитивного мониторинга, что потенциально может вести к снижению концентрации внимания и влиять на качество перевода. Особую трудность представляет ориентирование в ситуации многостороннего общения, когда все участники говорят одновременно, не принимая во внимание ситуацию общения «на другом конце провода».

Таким образом, фрагментированное взаимодействие в гибридной среде повышает непредсказуемость логики перехода от проблемной ситуации к ее решению, идентификации коммуникативно-релевантных смыслов и вероятностного прогнозирования в процессе перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Войскунский А. Е. Многозадачность в виртуальной среде: эмпирическое исследование / А. Е. Войскунский, Е. М. Хохлова, О. В. Митина, Е. А. Дорохов // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. 2020. № 4. С. 129-142.
2. Гарбовский Н. К. Мифы о переводе: от Вавилона до «цифры» / Н. К. Гарбовский, О. И. Костикова // Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы X Международной научной конференции. Москва: Издательство Московского университета. С. 65-80.
3. Костикова О. И. История перевода: предмет, методология, место в науке о переводе / О. И. Костикова // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2011. № 2. С. 3-22.
4. Краева С. С. Опыт описания коммуникативных особенностей устного перевода по видеосвязи в ходе пуско-наладочных работ / С. С. Краева, Е. С. Краснопева // «MEDIAОбразование: медиавключенность vs медиаизоляция»: Материалы VI Международной научной конференции (Челябинск, 23-25 ноября 2021 г.). Часть 2 / под ред. А. А. Морозовой. Челябинск: Изд-во Челябинского государственного университета, 2021. С. 32-37.
5. Краснопева Е. С. Дистанционный устный перевод: терминология, таксономия и ключевые направления исследования / Е. С. Краснопева // Научный диалог. 2021. № 11. С. 143-167.
6. Сдобников В. В. Перевод и коммуникативная ситуация: монография / В. В. Сдобников. Москва: Флинта: Наука, 2016. 464 с.
7. Фирстов М. С. Порядок операций при последовательном переводе и необходимые специфические компетенции / М. С. Фирстов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. № 588. С. 142-155.

8. Цвиллинг М. Я. О переводе и переводчиках. Сборник научных статей / М. Я. Цвиллинг. Москва: Восточная книга, 2009. 288 с.
9. Чернов Г. В. Теория и практика синхронного перевода / Г. В. Чернов. Москва: ЛЕ-НАНД, 2019. 208 с.
10. Чистова Е. В. Мультиканальность и мультимодальность восприятия в когнитивной деятельности переводчика-синхрониста / Е. В. Чистова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 12 (9). С. 337-342.
11. Braun S. Interpreting in small-group bilingual videoconferences. Challenges and adaptation processes / S. Braun // *Interpreting*. 2007. Vol. 9. No. 1. Pp. 21-46. DOI: 10.1075/intp.9.1.03bra
12. Crabtree A. Hybrid ecologies: understanding cooperative interaction in emerging physical-digital environments / A. Crabtree, T. Rodden // *Personal and Ubiquitous Computing*. 2008. Vol. 12. No. 7. Pp. 481-493.
13. Englund Dimitrova B. Cognitive Aspects of Community Interpreting / B. Englund Dimitrova, E. Tiselius // *Reembedding Translation Process Research*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2016. Pp. 195-214. DOI: 10.1075/btl.128.10eng
14. Flavell J. H. Metacognition and Cognitive Monitoring: A New Area of Cognitive-Developmental Inquiry / J. H. Flavell // *American Psychologist*. 1979. Vol. 34. No. 10. Pp. 906-911.
15. *Interpreting and Technology* / edited by C. Fantinuoli. Berlin: Language Science Press, 2018. 159 pp. DOI: 10.5281/zenodo.1493281
16. Mellinger C. D. Computer-assisted Interpreting Technologies and Interpreter Cognition: A Product and Process-Oriented Perspective / C. D. Mellinger // *Revista Tradumàtica. Tecnologies de la Traducció*. 2019. No. 17. Pp. 33-44. DOI: 10.5565/rev/tradumatica.228
17. Pöchhacker F. "Going Video." Mediality and Multimodality in Interpreting / F. Pöchhacker // *Linking Up with Video: Perspectives on Interpreting Practice and Research*. 2020. Pp. 13-45.
18. Remkhe I. N. Rethinking the Translator's Role within the GILT project: an Integrated Approach / I. N. Remkhe, L. A. Nefedova, D. C. Gillespie // *Russian Journal of Linguistics*. 2017. Vol. 21. No. 4. Pp. 910-926.
19. Wadensjö C. The Double Role of a Dialogue Interpreter / C. Wadensjö // *Perspectives: Studies in Translatology*. 1993. No. 1 (1). Pp. 105-121.
20. Yus F. *Smartphone Communication: Interactions in the App Ecosystem* / F. Yus. 1st edition. London: Routledge, 2021. 330 pp.

Ekaterina S. KRASNOPEYEVA¹

Svetlana S. KRAEVA²

UDC 81'25

**INTERPRETER ADAPTATION IN HYBRID ECOLOGY:
THE CASE OF VIDEO-MEDIATED COMMISSIONING
OF EQUIPMENT***

¹ Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor,
Department of Theory and Practice of Translation/Interpreting,
Chelyabinsk State University
krasnopeyeva@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3503-1849

² Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor,
Department of Theory and Practice of Translation/Interpreting,
Chelyabinsk State University
kraeva.svetlana@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2039-402

Abstract

Video-mediated interpreting is a relatively new object of research, which requires integration of theoretical and methodological frameworks of translation studies, communication theory, media theory, and cognitive science.

This paper examines the way an interpreter adapts to a hybrid environment, which merges communication in physical and virtual spaces. We describe the case of dialogue interpreting during the commissioning of equipment supervised by an instructor via video link. The study is based on transcripts as well as the interpreter's retrospective commentary. The interpreter's decision-making is examined through the lens of metacognition theory and monitoring processes.

* This research is supported by the President's Grant for the State Support of the Young Russian Candidates of Sciences (Project No. MK-73.2021.2).

Citation: Krasnopeyeva E. S., Kraeva S. S. 2022, "Interpreter adaptation in hybrid ecology: the case of video-mediated commissioning of equipment". Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 8, no. 2 (30), pp. 6-23. DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-6-23

Among the key factors determining the complexity of this job, are the nature of dialogue interpreting in an industrial shop floor, and the limitations of video communication via a smartphone. In addition to the relaying and coordinating functions common to dialogue interpreting, in a hybrid ecology interpreter also monitors the status of the communication device. This kind of media-multitasking may result in additional cognitive monitoring, potentially leading to reduced attention span and affecting the interpreting quality. Additionally, the interpreter actively contextualizes the physical scenario for the remote participant, which leads to over-elaboration, excessive repetition, and addition of non-renditions. While many turn-taking devices are not available in video-mediated communication, the interpreter resorts to verbal turn-taking patterns and ultimately takes control of communication. In a hybrid environment, the logic of transition from a problematic situation to its solution becomes more unpredictable. The fragmented nature of interaction challenges the identification of relevant meanings and the process of probabilistic prediction.

Keywords

Translation studies, interpreting, dialogue interpreting, computer-mediated interpreting, video-mediated interpreting, metacognition, hybrid ecology.

DOI: 10.21684/2411-197X-2022-8-2-6-23

REFERENCES

1. Voyskunskiy A., Khokhlova E., Mitina O., Dorokhov E. 2020. "Multitasking in a Virtual Environment: Empirical Study". *Informatsionnoe obshchestvo: obrazovanie, nauka, kultura i tekhnologii budushchego*, no. 4, pp. 129-142. [In Russian]
2. Garbovskiy N., Kostikova O. 2020. "Myths about Translation: from Babylon to 'Figures'". *Proceedings of the 10th International Conference "Russian Language and Culture Reflected in Translation"*, pp. 65-80. Moscow. [In Russian]
3. Kostikova O. 2011. "The History of Translation: Subject Matter, Methodology, Place in Translation Studies". *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda*, no. 2, pp. 3-22. [In Russian]
4. Kraeva S., Krasnopeyeva E. 2021. "On the Interpreter-mediated Communication via Video Link During Equipment Testing and Commissioning". *Proceedings of the 6th International Scientific Conference "MEDIAEducation: Media Inclusion vs Media Isolation" (23-25 November 2021, Chelyabinsk)*, pt. 2, pp. 32-37. [In Russian]
5. Krasnopeyeva E. 2021. "Distance Interpreting: Terminology, Taxonomy, and Key Directions of Research". *Nauchnyy dialog*, no. 11, pp. 143-167. [In Russian]
6. Sdobnikov V. 2016. *Translation and the Communicative Situation: Monograph*. Moscow: Flinta Nauka. [In Russian]
7. Firstov M. 2010. "On the Sequence of Operations in Consecutive Interpreting and Specific Competences Required". *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, no. 9 (588), pp. 142-155. [In Russian]

8. Tsvilling M. 2009. About Translation and Interpreters. Collection of Research Papers. Moscow: Vostochnaya kniga. [In Russian]
9. Chernov G. 2019. Theory and Practice of Simultaneous Interpretation. Moscow: LENAND. [In Russian]
10. Chistova E. 2019. "Multi-channel Nature and Multimodality of Perception in a Simultaneous Interpreter's Cognitive Activity". *Philology. Theory & Practice*, no. 12 (9), pp. 337-342. [In Russian]
11. Braun S. 2007. "Interpreting in small-group bilingual videoconferences. Challenges and adaptation processes". *Interpreting*, vol. 9, no. 1, pp. 21-46. DOI: 10.1075/intp.9.1.03bra
12. Crabtree A., Rodden T. 2008. "Hybrid ecologies: understanding cooperative interaction in emerging physical-digital environments". *Personal and Ubiquitous Computing*, vol. 12, no. 7, pp. 481-493.
13. Englund Dimitrova B., Tiselius E. 2016. "Cognitive Aspects of Community Interpreting. Toward a process model". In: Muñoz Martín R. (ed.). *Reembedding Translation Process Research*, pp. 195-214. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
14. Flavell J. H. 1979. "Metacognition and Cognitive Monitoring: A New Area of Cognitive-Developmental Inquiry". *American Psychologist*, vol. 34, no. 10, pp. 906-911.
15. Fantinuoli C. (ed.). 2018. *Interpreting and Technology*, Berlin: Language Science Press. DOI: 10.5281/zenodo.1493281
16. Mellinger C. D. 2019. "Computer-assisted Interpreting Technologies and Interpreter Cognition: A Product and Process-Oriented Perspective". *Revista Tradumàtica. Tecnologies de la Traducció*, no. 17, pp. 33-44. DOI: 10.5565/rev/tradumatica.228
17. Pöchhacker F. 2020. "'Going Video'. Mediality and Multimodality in Interpreting". In: Salaets H., Brône G. (eds.). *Linking Up with Video: Perspectives on Interpreting Practice and Research*, pp. 13-45. John Benjamins Publishing Company.
18. Remkhe I., Nefedova L., Gillespie D. C. 2017. "Rethinking the Translator's Role within the GILT project: an Integrated Approach". *Russian Journal of Linguistics*, vol. 21, no. 4, pp. 910-926.
19. Wadensjö C. 1993. "The Double Role of a Dialogue Interpreter". *Perspectives: Studies in Translatology*, no. 1 (1), pp. 105-121.
20. Yus F. 2021. *Smartphone Communication: Interactions in the App Ecosystem*. 1st edition. London: Routledge.